

Куда идут Балканы? Новая парадигма сотрудничества для России

Екатерина Энтина, Александр Пивоваренко,
Деян Новакович

Этот текст и другие доклады можно
скачать на нашем сайте:
<http://ru.valdaiclub.com/a/reports/>

Данный текст отражает личное мнение автора или группы
авторов, которое может не совпадать с позицией Клуба,
если явно не указано иное.

ISBN 978-5-906757-78-4

© Фонд развития и поддержки Международного
дискуссионного клуба «Валдай», 2018

Российская Федерация, 115184, Москва,
улица Большая Татарская, дом 42

Об авторах

Екатерина Энтина

Доцент Национального исследовательского университета «Высшая школа экономики», старший научный сотрудник Института Европы РАН

Александр Пивоваренко

Научный сотрудник Отдела современной истории стран Центральной и Юго-Восточной Европы Института славяноведения РАН

Деян Новакович

Сопредседатель и директор Адриатического совета (Adriatic Council)

Содержание

- 4   **Внутрирегиональный контекст**

- 8   **Международный контекст**
  - США и Европейский союз
  - Китай
  - Турция и арабские страны
  - Россия

- 24   **Выводы и рекомендации**
  - Политическая сфера
  - Внешнеэкономический блок
  - Гуманитарная сфера

Несмотря на своё периферийное положение и демонстративную архаичность, современные Балканы являются очень динамичным регионом. За последние 28 лет количество государств в регионе увеличилось в два раза. В 1991 г. на Балканах можно было насчитать пять государств (Югославия, Греция, Болгария, Румыния, Албания). Сегодня же к региону, по разным оценкам, можно отнести от 7 до 11 стран. Изменилось значение Балканского полуострова в европейском масштабе. Он перестал быть регионом, занятым исключительно внутренними проблемами. Балканы стали более открыты миру и прежде всего сопредельным регионам. С начала 2000-х гг. неуклонно повышается их транзитное значение. В результате всё больше внешних игроков проявляют заинтересованность в региональных процессах. Сейчас здесь можно насчитать порядка девяти сил, оказывающих на регион значительное внешнее влияние и преследующих по многим параметрам разнонаправленные цели, возвращая тем самым Балканам звание одного из самых сложных регионов мира.

Внутрирегиональный контекст

Внутриполитическая ситуация определяется сочетанием двух факторов: *растущего транзитного значения региона и периферийного положения* в социально-экономическом смысле.

Глобальный финансово-экономический кризис 2008 г. обнажил серьёзные внутренние проблемы, характеризующиеся растущим объёмом внешнего долга, высокой безработицей¹, ростом цен на коммунальные услуги и периферийным характером экономического уклада. Прервалась наметившаяся в годы экономического роста тенденция сближения Восточной Европы с Западной по уровню благосостояния. Объявление в начале 2017 г. о проекте «Европа двух скоростей» (Two-speed Europe) прямо указало на статусное различие между европейским центром и его периферией. Масштабный политический кризис, так или иначе, затронул все страны региона – от Словении на западе до Болгарии на востоке. Его общими чертами стали масштабные акции протеста (Болгария, Босния и Герцеговина, Черногория, Сербия, Македония), регулярные выборы и перевыборы (Сербия, Македония, Хорватия), сложности с формированием правящей коалиции, парламентские бойкоты (Хорватия, Македония, Косово², Албания) и даже преследования по политическим мотивам (Черногория, Македония).

При объективных внутриполитических проблемах уровень внешнего влияния на внутренние процессы в регионе несоизмеримо выше, чем во времена единой Югославии. Например, в Албании, где до сих пор сохраняется двухпартийная система, политическое развитие государства на протяжении 20 лет определялось весьма специфическими условиями, возникшими после коллапса 1997 г. и введения международной миссии. Сегодня международное влияние остаётся по-прежнему значительным. Достаточно отметить,

---

¹ Так, в благополучной Словении безработица в 2015 г. составляла 11,6%, а за чертой бедности проживает 13,5% населения, уровень безработицы в Сербии составляет 18,9%, в Хорватии 19,5% проживают за чертой бедности. См.: CIA The World Factbook. URL: <https://www.cia.gov/library/publications/the-world-factbook/>

² Частично признанное государство. Здесь и далее рассматривается как составная часть Сербии, согласно официальной позиции Российской Федерации.

что масштабная судебная реформа (были изменены 46 статей конституции)³ стала возможной только после визита в Тирану заместителя госсекретаря США Виктории Нуланд 11 июля 2016 г. и четырёхчасовых переговоров в американском посольстве между властью и оппозицией⁴.

В остальных странах «балканской шестёрки» проведение необходимых Брюсселю решений осуществляется посредством склонных к авторитаризму, в высшей степени управляемых демократий, возникновению которых вольно или невольно способствовала политика Европейского союза. Так, лидер Черногории Мило Джуканович, находящийся у власти с 1989 г., несмотря на лишь частичное соответствие его режима схоластическим представлениям о демократических институтах, был поддержан Брюсселем в протестах 2015–2016 гг. и в конечном итоге обеспечил вступление Черногории в НАТО 5 июля 2017 г. 16 апреля 2018 г. М. Джуканович одержал победу на очередных президентских выборах. Соответственно, в Черногории де-факто можно говорить о почти тридцатилетней истории только формально сменяемой власти при нахождении реальных рычагов управления страной в руках одного человека.

С 2012 г. Брюссель оказывает поддержку режиму Александра Вучича, не замечая его очевидные изъяны. Схожим образом Брюссель действовал в Македонии. На протяжении 10 лет пребывание на руководящем посту Николы Груевского (партия «Внутренняя македонско-одринская революционная организация», ВМРО, одержавшая победу на четырёх выборах подряд: в 2006, 2008, 2011 и 2014 гг.) не вызывало у Брюсселя сомнений в характере демократических процессов в регионе. Однако в силу ряда причин и, несмотря на победу (с минимальным преимуществом) партии ВМРО, 11 декабря 2016 г., на пятых выборах подряд, Брюссель счёл нужным содействовать приходу к власти нового премьер-министра Зорана Заева, чья партия «Социал-демократический союз Македонии» по итогам выборов заняла второе место.

Уровень внешнего влияния на внутренние процессы в регионе несоизмеримо выше, чем во времена единой Югославии

---

³ Maxhuni B., Cucchi U. *An Analysis of the Vetting Process in Albania*. Group for Legal and Political Studies. 2017. №1. URL: <http://legalpoliticalstudies.org/wp-content/uploads/2017/06/Policy-Analysis-An-Analysis-of-the-Vetting-Process-in-Albania.pdf>

⁴ Nuland Presses Judicial Compromise on Albanian Parties // *Balkan Insight*. 2016. November 7. URL: <http://www.balkaninsight.com/en/article/nuland-negotiates-albanian-stalemate-over-judicial-reform-07-11-2016>; Albania's judicial reforms all but go up in smoke // *Euronews*. 2017. December 31. URL: <http://www.euronews.com/2017/12/31/albania-s-judicial-reforms-all-but-go-up-in-smoke>

С 1999 г. стабильность весьма специфического режима Хашима Тачи в Косово обеспечивается двумя факторами: неспособностью Миссии ООН по делам временной администрации (МООНК) демонтировать традиционную для края клановую структуру и специфическим характером взаимоотношений Тачи с представителями ЕС и США. Наконец, можно обнаружить заинтересованность Брюсселя в сохранении нынешних политических элит в Болгарии (Бойко Борисов и партия «Граждане за европейское развитие Болгарии», ГЕРБ), проявившуюся в истории с блокированием проекта «Южный поток» и очередным переизбранием Б. Борисова на пост премьер-министра 27 марта 2017 г. Что касается Греции, то состоятельность её демократии не вызывает сомнений. Однако этого нельзя сказать о суверенитете, который оказался скомпрометирован обстоятельствами долгового кризиса и условиями выплаты долга западным кредиторам.

Содействие Брюсселя авторитарным тенденциям имеет и более серьёзные последствия, чем исполнение балканскими государствами формальных требований, чего Брюссель ожидает от них сегодня. Последовательная поддержка режима М. Джукановича в Черногории приводит к фундаментальным последствиям с точки зрения нациестроительства: с момента отделения в 2006 г. Черногории от Сербии идеология нового государства строилась на концепции «особой черногорской идентичности», суть которой заключается в принадлежности к «адриатической» и «южноевропейской» цивилизации – в отличие от «балканской» и даже «сербской». Углубление этого курса может привести к возникновению в Черногории проблемы сербского этнического меньшинства, к которому сегодня можно отнести от 40 до 60% населения⁵.

В Сербии линия на «мягкое» признание независимости Косова, которая проводится А. Вучичем, оказывает серьёзное влияние на национальную психологию, с одной стороны, стимулируя апатию, а с другой – создавая почву для возникновения ревизионистских настроений. В Македонии приход к власти режима, нацеленного на скорейшее вступление в ЕС и НАТО, привёл к заключению неформальных соглашений с албанским национальным меньшинством («Тиранская платформа»), а также с Болгарией и Грецией по поводу наименования республики. Уступки македонского руководства по широкому кругу вопросов – этническое представительство

---

⁵ *Putin's Asymmetric Assault on Democracy in Russia and Europe: Implications for U.S. National Security*. Committee on Foreign Relations, United States Senate. 2018. January 10. URL: <https://www.foreign.senate.gov/imo/media/doc/FinalRR.pdf>

в госструктурах, название государства, историческая политика – чреваты деградацией государственности Македонии. Кроме того, ослабление под давлением Брюсселя позиции Скопье, пошедшего на беспрецедентные уступки, активизировало националистические настроения в ряде окружающих Македонию стран. Известна существующая нацеленность Брюсселя на разрушение консенсуса в Боснии и Герцеговине, что чревато дальнейшим поражением в правах сербского сообщества. В то же время игнорируется, а фактически поощряется развитие албанского национального движения, затрагивающего сегодня шесть государственных единиц (Албания, Черногория, Косово, Греция, Македония, Сербия).

Традиционные для Балкан социально-экономические и политические проблемы в сочетании с процессами этногенеза и национальным вопросом порождают расхождения в оценках нынешней ситуации и дальнейших перспектив региона. Одни представляют данные кризисы как обязательные условия, необходимые для завершения евроатлантической интеграции региона. Другие же за каждой новой нестабильностью видят углубление социально-экономического кризиса и перспективу начала нового межэтнического конфликта. Споры существуют и вокруг внешнего вмешательства и его характера («подрывное влияние Москвы» или «колониальная оккупация Запада»).

На наш взгляд, было бы неразумно сводить все кризисные проявления лишь к внешнему вмешательству и обвинениям в попытках «раскачать» ситуацию и дестабилизировать регион.

Во-первых, существуют объективные предпосылки для дестабилизации, заключающиеся в ухудшавшейся в последние 10 лет экономической ситуации, нерешённости национальных, территориальных и политических противоречий.

Во-вторых, нельзя исключать, что некоторые проблемы являются «управляемым кризисом», инспирированным балканскими лидерами для решения своих внутренних задач.

В-третьих, обвинения в «ручном характере» протестов не дают объяснения росту популярности ряда новых политических партий и движений,

---

Было бы неразумно сводить все кризисные проявления лишь к внешнему вмешательству и обвинениям в попытках «раскачать» ситуацию и дестабилизировать регион

часть из которых ещё вчера считались маргинальными и радикальными, имели ограниченный бюджет или специфическую идеологию⁶. Распространение на Балканах феномена протестного голосования показывает, что доверие к нынешним политическим элитам подорвано — существует запрос на альтернативную повестку. Собственно, это неудивительно: подобное происходит сегодня по всей Европе. Однако примечательно, что в политическом отношении Балканы сегодня не являются догоняющим регионом. Как показывает ситуация в отдельных странах, политические тренды здесь развиваются параллельно или даже превосходят остальную Европу.

В-четвёртых, на Балканах актуализируются нетрадиционные угрозы, например криминальный трафик: наркомаршрут Афганистан — Турция — Косово — Центральная Европа и транснациональная деятельность балканских криминальных группировок (албанская мафия в Хорватии, Италии и Испании).

Таким образом, если почти век назад регион, охваченный авторитарной волной, был в значительной степени предоставлен самому себе, то сегодня развитие внутриполитических процессов определяется и будет определяться нарастающим внешним влиянием. Между тем активное и директивное внешнее вмешательство не решает накапливающихся внутренних и взрывоопасных проблем — как политических, так и социально-экономических.

Международный контекст

Исторически Балканский регион был подвержен разнонаправленному влиянию международных сил, предпочитавших разыгрывать балканскую карту для реализации собственных стратегических интересов. В XIX в. здесь пересекались интересы всех крупных европейских империй (Франция, Великобритания, Австро-Венгрия, Российская и Османская империи, а с 1871 г. и Германия). В XX в. по территории социалистической Югославии проходил разлом между СССР и США. Сегодня процессы

---

⁶ Так, в Хорватии в парламент попало студенческое движение «Живая стена». Несколько ранее, в 2015 г., на президентских выборах в Хорватии ещё более весомого успеха добился 25-летний Иван Синчич (движение «Живая стена»), набравший 16,42% голосов, располагая избирательным фондом всего в 11 тыс. евро. В Сербии по итогам выборов 2016 г. в парламенте оказались четыре оппозиционные партии, а на президентских выборах 2017 г. комик Л. Максимович, выступавший под псевдонимом и не имевший программы в традиционном смысле этого слова, набрал 9,43%. В Косово на парламентских выборах 2017 г. 27,49% набрало радикальное движение «Самоопределение!», сочетающее радикальный национализм с антикоррупционной риторикой и использующее методы прямого действия.

в регионе многими по-прежнему оцениваются через призму распада Югославии. Однако, несмотря на «эхо войны», события последних 27 лет можно свести к тому, что вместо буферного государства, обеспечивавшего компромисс, образовалось разреженное пространство, которое становится ареной латентного противостояния международных сил. В числе основных участников можно назвать Европейский союз, США, Китай, Турцию, арабские страны, а также Россию.

США и Европейский союз

Под влиянием успехов ЕС в Центральной и Восточной Европе 1990-х гг. будущее бывших югославских республик в его составе не ставилось под сомнение. Однако мало кто предполагал, что этот процесс окажется для балканских государств настолько сложным, а действия ЕС не приведут к однозначно позитивным результатам.

С момента объявления в 2003 г. в Салониках перспективы членства в ЕС для стран бывшей Югославии в Союз вступила только Хорватия в 2013 г. Вопрос со Словенией был решён ещё до греческого саммита – она вошла в центральноевропейскую волну расширения в 2004 г. Вплоть до 2014 г. Европейский союз следовал сочетанию принципа минимально достаточных для поддержания интеграционных стимулов усилий в период относительно благополучия в регионе и резкого (но на практике малоэффективного) подключения к решению проблем во взрывоопасные моменты.

Поводом для изменения данного курса стала активизация России и обнажившиеся противоречия между Брюсселем и Москвой. «Увеличивающаяся опасность» со стороны России подтолкнула страны ЕС и США – после краткого периода забвения (2008–2014 гг.) – снова обратить внимание на Балканский регион⁷. В результате в августе 2014 г. возник Берлинский процесс, который ставил перед собой три задачи: решение острых политических споров (включая пограничные), модернизация инфраструктуры, экономики, транспортной системы, активизация демократических процессов⁸.

---

⁷ Merkel Concerned about Russian Influence in the Balkans // Spiegel Online. 2014. November 17. URL: <http://www.spiegel.de>

⁸ Final Declaration by the Chair of the Conference on the Western Balkans. The Press and Information Office of the Federal Government. 2014. August 28. URL: <https://www.bundesregierung.de/Content/EN/Pressemitteilungen/BPA/2014/2014-08-28-balkan.html>

Стратегической целью провозглашалось создание условий для прихода к власти нового поколения элит, нацеленных на сотрудничество в евроатлантической парадигме и одновременно невосприимчивых к националистической риторике. Считается, что сегодня это возможно. В Глобальной стратегии ЕС отмечается, что Союз сейчас обладает «уникальным влиянием» на страны Западных Балкан (и Турцию), выражающимся в формуле «членство в ЕС возможно, но при соответствии условиям членства»⁹. В данной логике получается, что сама надежда на членство становится ценным активом, способным мотивировать страны на проведение преобразований в интересах ЕС, даже если это может противоречить национальным интересам. На этой основе осуществляется попытка ограничить внешнее влияние (прежде всего – российское), которое считается подрывным. Однако на практике Берлинский процесс не достиг большого прогресса. Социально-экономические проблемы остаются нерешёнными и, возможно, усугубляются.

6 февраля 2018 г. ЕС вновь анонсировал новый поворот в определении западнобалканских перспектив. При удачном стечении обстоятельств к 2025 г. возможно расширение ЕС за счёт Сербии и Черногории. Однако озвученный Жан-Клодом Юнкером план оказался солидным по обязанностям, но скромным в части возможностей, предоставляемых балканским странам. Так, в приложении к документу «Вероятная перспектива расширения и развитие взаимодействия ЕС со странами Западных Балкан» («A Credible Enlargement Perspective for and Enhanced EU Engagement with the Western Balkans») прямо указывается, что в течение 2019–2020 гг. Западные Балканы планируется включить в Энергетический союз ЕС. В первую очередь это будет означать подключение к третьему энергетическому пакету, что имеет очевидные последствия для присутствия и интересов России и, отчасти, Турции на Балканах. Кроме того, предполагается, что балканские кандидаты примут европейский пакет по регулированию единого транспортного рынка, контртеррористических мер, миграции и в целом вопросов безопасности. Таким образом, ЕС административными мерами стремится обеспечить безопасность своего подбрюшья, гарантировать стратегическое доминирование в регионе, но без гарантий членства для балканских стран.

---

⁹ *Shared Vision, Common Action: A Stronger Europe. A Global Strategy for the European Union's Foreign and Security Policy. European Union External Action. P. 9, 24. URL: http://eeas.europa.eu/archives/docs/top_stories/pdf/eugs_review_web.pdf*

За 18 лет ЕС в целом удалось сформировать лояльные и лично зависимые политические элиты на Западных Балканах. Но сделано это было ценой отказа от плюрализма мнений, верховенства права и гражданского общества. Как следствие, во многих балканских странах институты не работают сегодня должным образом, а линии противоречий касаются не только вопросов отношения к тем или иным геополитическим игрокам, но и проблемы ценностей. Несмотря на преобладание евроатлантического дискурса в информационном поле, относительно невысокий (стабильно ниже 50%) уровень поддержки ЕС существует в Черногории, Сербии. Высокий уровень поддержки (более 70%) показывают Албания, Македония и, судя по всему, Босния и Косово. Однако большого энтузиазма по поводу их гипотетического членства сейчас не испытывает сам ЕС.

США, как наиболее мощная военная сила в мире, совершившая с 1992 г. 188 интервенций, несомненно, владеют силовой методикой урегулирования региональных конфликтов. Однако опыт в Ираке, Ливии, самой Югославии в 1990-е и 2000-е гг. очевидно доказывает, что силовое решение не означает политического. С 2016 г. США также активизировали своё присутствие на Балканах. Американской политике предлагается несколько рецептов. Во-первых, противодействие российскому «асимметричному» влиянию, в том числе энергетическому и информационному. Во-вторых, реформирование «неприсоединившихся» балканских стран согласно стандартам НАТО. В-третьих, усиление давления на страны, демонстрирующие признаки многовекторности, прежде всего Сербию, которая должна показать «больше заинтересованности» к вступлению в ЕС. Наконец, больше заинтересованности в Балканах должны показать первые американские политические лица. Говорится о необходимости организовать визит в Белград президента США, который должен стать первым с 1980 г.¹⁰ Не стоит сомневаться, что США постараются сохранить свои достижения в регионе. Речь идёт об усилении влияния в Черногории и вовлечении в евроатлантическую парадигму Македонии. Что касается Сербии, то ставится

ЕС административными мерами стремится обеспечить безопасность своего подбрюшья, гарантировать стратегическое доминирование в регионе, но без гарантий членства для балканских стран

---

¹⁰ *Putin's Asymmetric Assault on Democracy in Russia and Europe: Implications for U.S. National Security. A Minority Staff Report Prepared for the Use of the Committee on Foreign Relations United States Senate. 2018. January 10. P. 77-91. URL: <https://www.foreign.senate.gov/imo/media/doc/FinalRR.pdf>*

задача достижения «исторической переоценки» отношений – преодоление последствий агрессии НАТО 1999 г. Это продиктовано объективной необходимостью: географическим положением Сербии как центральной страны региона и усилением влияния Турции и арабских государств на Боснию и Косово, которые в 1990-е гг. являлись приоритетными американскими клиентами¹¹.

Другие более конкретные задачи для США заключаются в обеспечении «постоянного военного присутствия в Юго-Восточной Европе», что очевидно связано с общими стратегическими соображениями. Центральным звеном в этом отношении является база НАТО Кэмп-Бондстил (Косово), которая имеет тыловое значение по отношению к базам в Румынии и Болгарии и транзитное значение в смысле маршрута из Центральной Азии в Европу. Следовательно, можно ожидать увеличения американского военного присутствия. Другой задачей является возвращение статуса «честного брокера»¹², что можно понимать как намерение повернуть трюк 1990-х гг. и перехватить у ЕС контроль над политическими процессами в регионе. В экономическом плане интересы США заключаются в вовлечении стран региона в альтернативные энергетические проекты, ограничивающие влияние «Турецкого потока». Центральным их элементом на Балканах является терминал СПГ на о. Крк, строительство которого лоббируется в Хорватии. Существует также Трансадриатический газопровод (ТАР), проходящий по направлению Греция – Албания.

Не стоит забывать и об отношениях США с албанцами. Хотя сегодня выражается определённое беспокойство в связи с ростом исламистских настроений, нужно помнить о ценности для США албанского движения – одного из самых активных националистических движений в Европе. Албанское население является наиболее растущим в демографическом отношении. Очевидно, что в недалёком будущем оно окажет серьёзное влияние на все соседние государства. Наконец, нельзя забывать о таком факторе, как связанность местного населения с албанской диаспорой США и албанской мафией, действующей в рамках всей Европы.

Однако в подходах как США, так и ЕС упускается важнейшее звено: завершённая военно-политическая интеграция в условиях проблемного

---

¹¹ Marusic D., Bedenbaugh S., Wilson D. *Balkans Forward. A new US Strategy for the Balkan Region* // *Atlantic Council*. 2017. August 1. P. 16–18.

¹² *Ibid.* P. 16.

региона не обязательно означает успех интеграции экономико-политической и, как следствие, монополизированное долгосрочное влияние.

Во-первых, уже сложилась практика, в которой балканские страны пользуются наличием внешних сил для получения определённых привилегий в части военного и инфраструктурного строительства (о чём свидетельствует сербская доктрина «многополярности» или «четырёх опор»). Во-вторых, попытка превратить транзитный регион в «закрытую зону» следует против исторических императивов и законов экономической географии. Монополизировать влияние на Балканах на длительный срок не удавалось ни одной империи. В-третьих, это означает неизбежность борьбы против «внешнего влияния», причём не только со стороны России, но и других сил, закрепившихся в регионе.

Китай

Ещё до провозглашения большого инфраструктурного проекта «Один пояс, один путь» Китай получил уникальную возможность наращивать своё присутствие и влияние в Юго-Восточной Европе. Особенностью китайской стратегии является то, что все остальные игроки имеют определённую историческую, социокультурную, религиозную базу в регионе. У Китая же такой привязки нет. Благодаря этому отсутствуют сдерживающие моменты в виде исторической или религиозной неприязни. В свою очередь, у Китая снижены запросы, касающиеся военных вопросов и безопасности. Как следствие, отсутствуют серьёзные политические требования. Так Китай оказывается в ситуации востребованного, нейтрального, ничем не скомпрометированного и обладающего финансовыми ресурсами игрока. Это комфортное положение позволяет населению региона связывать с Китаем определённые позитивные ожидания. Самому же Китаю повышенный уровень ожиданий в регионе развязывает руки в проведении прагматичной политики на достаточно лояльных условиях. Китаю интересны Балканы как рынок сбыта и как транзитный регион. Наконец, Балканский полуостров обладает

Нужно помнить о ценности для США албанского движения — одного из самых активных националистических движений в Европе

Китай оказывается в ситуации востребованного, нейтрального, ничем не скомпрометированного и обладающего финансовыми ресурсами игрока

большим количеством относительно слабо загруженных портов и верфей, что даёт точки входа для доставки китайской продукции в Европу.

Можно отметить, что в экономическом плане Пекину интересны Балканы даже без учёта перспективы вхождения некоторых стран в ЕС, поскольку в транзитном отношении интересы Китая и Восточной Европы совпадают. Подтверждением тому может служить факт, что Восточная Европа согласилась на такие форматы консультаций и сотрудничества с Пекином (например, формат «16+1»), которые не очень согласуются с жёстко культивируемой ЕС европейской солидарностью. Формат «16+1» практически разрывает единое политическое и экономическое пространство Европейского союза.

Перспектива же вступления Балкан в ЕС делает проникновение в регион для Китая ещё более привлекательным. «Несмотря на низкую производительность на Балканах, можно утверждать, что Китай готов пожертвовать прибылью в краткосрочной перспективе и сфокусироваться на торговообменной инвестиционной стратегии. Подобный подход позволит китайцам «открыть магазин» у ворот ЕС. Потенциально он даст возможность китайским компаниям обойти торговые ограничения и экспортировать товары напрямую на рынок, охватывающий более 800 миллионов людей, благодаря соглашениям о свободной торговле, которые балканские страны подписали с ЕС»¹³. Помимо извлечения выгод из режима свободной торговли между ЕС и западнобалканскими странами, присутствие на балканских рынках позволяет Китаю обойти антидемпинговую европейскую политику.

Поэтому деловая активность Китая на Балканах растёт, причём её направленность подразумевает материально-техническую интеграцию региона с Центральной Европой. Об этом свидетельствует не только финансовая поддержка Поднебесной многосторонних форматов с участием стран Центральной и Восточной Европы, но и отраслевая и логистическая специфика китайских инвестиций, которые направляются в телекоммуникации, транспортную и энергетическую инфраструктуру в портовых городах и ключевых перевалочных узлах. При этом Китай, по всей видимости, руководствуется той же стратегией проникновения, что использовал до этого в Южной Америке.

---

¹³ Valbona Z. *China's Balkan Gamble* // *The Diplomat*. 2014. December 15. URL: <https://thediplomat.com/2014/12/chinas-balkan-gamble/>

Экономические интересы Китая в этом отношении очевидны, но, помимо этого, КНР много получает благодаря установлению прямых связей со странами от Средиземного до Балтийского морей в обход центральных властей Европейского союза и европейской бюрократии. Получается, что на практике Китай во многом выстраивает отношения с Юго-Востоком и Востоком Европы так же, как Соединённые Штаты: Вашингтон имеет возможность работать как с Брюсселем, так и со всеми государствами-членами ЕС, минуя Брюссель. У Китая такая схема взаимоотношений выстраивается благодаря тому, что страны обоих регионов от него многого ждут. Он нужен им для решения экономических задач. Китай важен и как альтернатива безусловной ориентации и подчинению евроатлантическому миру. Колоссальное преимущество Китая по сравнению со всеми другими игроками на Балканах состоит также и в том, что никто не видит в нём опасности. Он не представляет угрозу ни в качестве гегемона, ни в качестве радикальной силы или спойлера. В результате страны региона сами обращаются к Пекину за поддержкой.

Пока КНР не осознала весь спектр возможностей и свои очевидные преимущества для региона в сравнении с другими внешними акторами. Однако потребность балканских стран в системообразующих точках роста увеличивается с каждым годом. Она полностью совпадает с желанием Поднебесной воссоздать не только экономическое, но культурно-историческое влияние на всём протяжении Шёлкового пути и примыкающих к нему странах, что станет основой более объёмного проникновения и в Балканский регион.

**Потребность
балканских стран
в системообразующих
точках роста
увеличивается с каждым
годом**

Турция и арабские страны

Одним из ключевых факторов распада Югославии, широко тиражированным преимущественно западными экспертами и СМИ, считались этно-конфессиональные противоречия. Они действительно имели место, однако в процессе распада федерации не являлись первостепенными. Между тем игнорировать этно-конфессиональный фактор невозможно хотя бы в силу того, что религия на Балканах традиционно является признаком национальной идентичности.

Мусульманские регионы Балкан всё в большей степени связывают национальную идентичность с исламом. Усиление внешнего присутствия приводит к тому, что ислам на Балканах из традиционного для него здесь средства религиозной самоидентификации превращается в инструмент политического влияния, а отчасти и политической идеологии. Ислам используется и как ресурс внутренней консолидации (например, сербский Санджак, албанская часть Македонии), и как элемент внешнего воздействия и международной кооперации (Босния и Герцеговина, Косово).

Турция и арабские страны активно пользуются фактором религиозной близости на Балканах. Однако их присутствие не ограничивается только этим. Если раньше турки делали, как и Россия, ставку на определённые страны или общественные слои внутри Балкан, то в последние восемь–девять лет они перешли к стратегии интенсификации отношений со всем регионом. В 2009 г. Турция официально провозгласила доктрину «ноль проблем с соседями» по периметру своих границ (концепция Ахмета Давутоглу, министра иностранных дел Турции 2009–2014 гг.) и практически сразу приступила к её реализации на Балканах, выступив посредником в нормализации боснийско-сербских противоречий. При непосредственном участии Турции заработало представительство Боснии и Герцеговины в Белграде, и был подписан ряд примирительных деклараций. В экономической плоскости Турция имеет соглашения о свободной торговле со всеми балканскими странами. И если её присутствие в абсолютных цифрах не так уж и велико (в сравнении со странами ЕС, а в определённые годы она уступает в абсолютных цифрах и России), то в относительных — объём прямых иностранных инвестиций за 10 лет вырос более чем в шесть раз, что свидетельствует о несомненном росте интереса к региону.

Длительное время и политические силы у власти в Турции, и представители НАТО и ЕС рассматривали турецкие инициативы на Балканах в качестве шагов, проводимых в рамках общей евроатлантической стратегии, гарантирующей соблюдение европейского курса странами Юго-Восточной Европы. Турецкая политика была «активом» Европейского союза. С конца 2010-х гг. подобный мотив, очевидно, перестаёт быть (хотя по-прежнему декларируется) мейнстримом турецкой политики на Балканах. Турция всё больше и больше расходится с остальными партнёрами по НАТО в понимании общности интересов безопасности в большом регионе. В первую очередь на это оказывает влияние ситуация в Сирии и вокруг неё, а также современные турецко-греческие отношения.

Отметим, что Турция и Балканы исторически переплетены в демографическом отношении. Сегодня в Турции проживает много боснийских мусульман и албанцев, переселившихся в страну ещё в XIX и XX вв., но сохраняющих ту или иную связь с прародиной. Стратегически же Балканы как стык между Средиземноморьем, Ближним Востоком и Центральной Европой приобретают для Турции самостоятельное значение. Во-первых, в условиях конфликтов на Ближнем Востоке, сложного соседства в Закавказье и напряжённости в отношениях с Россией в 2015–2016 гг. Балканы на какое-то время оказались единственным регионом, где позиции Турции можно было охарактеризовать как стабильные и прочные. Во-вторых, положение Турции, позиционирующей себя партнёром Македонии, позволяет ей разыгрывать антигреческую карту. Влияние в Косово, Санджаке и Боснии позволяет выстраивать политические и инвестиционные отношения с Белградом и боснийскими сербами. В-третьих, успешное взаимодействие со всеми участниками маргинального пограничья ЕС позволяет оказывать влияние и на Брюссель, и на европейскую периферию в целом.

В турецком экспертном и общественном мнении существует понимание, что без влияния на Балканах турецкая внешняя политика не может быть полноценной – учитывая то обстоятельство, что сама Турция лежит на перекрёстке транзитных путей. Инструментов влияния на общественное мнение на Балканах у турок достаточно. В Македонии, сербском Санджаке, Албании, Боснии и Герцеговине и Косово правящая турецкая Партия справедливости и развития открыла официальные представительства. В портовом городе Бар (Черногория) открыты турецкий культурный центр и мечеть площадью 3950 кв. км. Во всех мусульманских регионах Турция на протяжении последних 30 лет занимается восстановлением памятников османского культурного наследия. Активно открываются школы, частные и государственные университеты, имеющие турецкое финансирование. Работает и чисто психологический фактор. На фоне невысокого уровня жизни и системных проблем развития жителям Боснии и Герцеговины, Албании, Косово соседняя Турция кажется сильной и преуспевающей.

Турция в последние годы весьма успешно балансирует и во внутрирегиональном политическом контексте. Она была первой страной, признавшей независимость Боснии и Герцеговины и Македонии,

---

Ислам на Балканах из традиционного для него здесь средства религиозной самоидентификации превращается в инструмент политического влияния, а отчасти и политической идеологии

а впоследствии – и самопровозглашённой «Республики Косово». Турция стала первым государством, открывшим у себя дипломатическое представительство последней. Однако это не помешало выстраиванию конструктивных отношений с Сербией, которая является наиболее важным рынком для турок среди всех бывших югославских республик. Визит Р. Эрдогана в Белград в 2018 г. завершился подписанием 12 новых соглашений¹⁴. Среди них и договорённости о том, что Балканы будут включены в «Турецкий поток» в случае его успешной реализации.

Очевидно, что современная Турция в большей степени обращена к проблемам Ближнего Востока, чем к своему присутствию на Балканах. Однако тот задел, который республика успела сделать за последние 10 лет, достаточен для восприятия её в качестве самостоятельного игрока в регионе. В глазах балканских политиков Турция строит ровные, стратегически и экономически выгодные отношения со всеми странами, не делит (или хотя бы пытается не делить) западнобалканские страны на «успешные» и «отстающие», «мусульманские» и «немусульманские». Этим турки в выгодную сторону отличаются от Европейского союза, который выстроил формальную и неформальную иерархию.

Влияние ислама на Балканах не ограничивается одним турецким фактором. Во время холодной войны тесные связи между Югославией и государствами Ближнего Востока и в целом исламского мира оформились как один из результатов развития Движения неприсоединения. Политическое сотрудничество дополнялось взаимной торговлей, а также совместными проектами в Персидском заливе и других арабских странах, на которые активно привлекались квалифицированные югославские рабочие. Войны в Боснии и Косово сопровождались активным вовлечением стран Залива в балканские дела. С одной стороны, исламистские боевики приезжали в Боснию, принося свои порядки, не всегда понятные обществу, ещё недавно жившему в светской социалистической парадигме. После окончания войны на Балканах организации, занимающиеся помощью балканским мусульманам, никуда не исчезли. Многие ветераны войны осели в регионе. Благотворительные фонды из Кувейта, Катара, Саудовской Аравии и ОАЭ продолжили вкладывать миллионы долларов в Боснию и Косово, и в меньшей степени в Албанию и Македонию, привлекая обездоленных и безработных. Как следствие, после начала «арабской весны» и новой волны конфликтов на Балканах появилось множество желающих оказать помощь единоверцам – даже вопреки тому, что изначально «между балканскими мусульманами и их ближневосточными

---

¹⁴ Bechev D. *Erdogan in the Balkans: A Neo-Ottoman quest?* // Al Jazeera. 2017. October 11. URL: <https://www.aljazeera.com/indepth/opinion/erdogan-balkans-neo-ottoman-quest-171011094904064.html>

единоверцами очень мало общего как в культурном, так и в языковом отношении»¹⁵. Другое измерение этой же проблемы, заключается в том, что вместе с иным типом ислама через Балканы в Европу получили доступ организации радикально исламистского толка. Во всех терактах в Европе последних лет можно обнаружить «балканский» след. Ежегодно мечети по всему региону оказываются в центре скандалов, связанных с вербовкой в ряды добровольцев Исламского государства¹⁶ или пропагандой радикального ислама.

Безусловно, взаимодействие с арабскими странами не ограничивается официальными и «теневыми» религиозными связями. Экономическое сотрудничество с арабскими государствами сумела наладить и Сербия. Если Босния и Герцеговина, Албания, Македония и Косово пользуются преимущественно гуманитарными инициативами, а также средствами Исламского банка развития, то Сербия осуществляет инфраструктурные проекты в рамках двусторонних отношений, в частности, с Саудовской Аравией. Бывшая авиакомпания Jat Airways, а сегодня Air Serbia в 2013 г. была выкуплена эмиратской Etihad. На арабские инвестиции осуществляется масштабный строительный проект «Белград на воде» в центре сербской столицы. Расширяется сотрудничество в военной и сельскохозяйственной сферах. Это сотрудничество уравнивает, а где-то маскирует очевидность опасности укрепления фундаментального ислама на Балканах.

Принимая во внимание весь комплекс взаимоотношений Балканского региона с мусульманским миром, стоит понимать, что сегодня основная религия на Балканах не ислам, православие или католичество, а пессимизм. Именно он закладывает основы для любого радикализма. Хотя кризис 1990-х гг. привёл к более чёткому этноконфессиональному размежеванию региона, в настоящее время сочетание материальных и религиозных факторов приводит к складыванию новой сложной мозаики. Когда и в какой степени это взорвёт балканские общества изнутри — вопрос времени. Но это определён то, на что делают ставку экстремистские религиозные организации и в регионе, и во всём мире.

Турция в последние годы весьма успешно балансирует и во внутрирегиональном политическом контексте

Сегодня основная религия на Балканах не ислам, православие или католичество, а пессимизм

¹⁵ Boduszynski M. *The Gulf and the Balkans: Islam, Investment, and Influence. A Gulf State Analytics report. January 2015. P. 5-6.*

¹⁶ Организация запрещена в России.

Россия

Со времён Петра I, когда были установлены дипломатические отношения с Черногорией, Россия накопила солидный опыт взаимодействия с Балканами. Однако инструменты, которые находились со второй половины XIX в. в арсенале Российской империи, а затем Советского Союза, оказывались всё менее применимы к стоявшим задачам. Наконец, к началу 1990-х гг. они практически полностью истощились. В итоге в 1990-е гг. Россия, отказавшись от системного двустороннего взаимодействия с республиками бывшей Югославии, сделала ставку на сиюминутные комбинации с ведущими европейскими державами и США. Ошибочность этой стратегии показала 78-дневная несанкционированная бомбардировка Югославии силами НАТО в марте–июне 1999 г. С начала 2000-х гг., за витриной благопристойности в отношениях России и Запада стали накапливаться противоречия, основанные на разном понимании постбиполярного мира. В это же время началось сближение России с Сербией и Черногорией, оформленное дискурсом об исторической и культурной близости народов.

Внешняя политика России, несомненно, в этот период стала более прагматичной. Однако она по-прежнему имеет свои недостатки, связанные с конъюнктурностью и ставкой на отдельные страны. Хотя уровень отношений между Россией и Сербией является высоким, российско-черногорское взаимодействие находится в самой низшей точке за 308 лет дипотношений. Из орбиты российского внимания фактически исключены Македония и Албания. Босния и Герцеговина как объект внешней политики де-факто существует только в формате взаимоотношений с Республикой Сербской (образование в составе Боснии и Герцеговины. — *Прим. ред.*). До недавнего периода российско-хорватские отношения также поддерживались на минимальном уровне. Данные особенности российской внешней политики дают возможность другим балканским странам и западным партнёрам сводить присутствие России в регионе строго к просербским или антизападным сюжетам, что значительно ограничивает возможное пространство российского манёвра.

То, как легко и неожиданно Россия проиграла партию за Черногорию, последовательно дружественную ещё с начала XVIII в. страну, прославшуюся в конце 2000-х гг. «подмосковной Адриатикой», показало, что внешнюю политику нельзя было строить лишь на масштабных закупках недвижимости, обещании инвестиционных проектов и разговорах о «вечной дружбе».

Вступление Черногории в НАТО послало сигнал балканским народам, что ориентация на Россию не означает автоматическую защиту и поддержку в момент принятия определяющих решений по региону, а России, в свою очередь, дало понять, что партнёрство в регионе не может выстраиваться лишь на солидном историческом прошлом.

В сухом остатке «за Россией» (причём «за» здесь далеко от безоговорочной поддержки – скорее, речь идёт о том, что заданные объекты не рассматриваются как потенциально враждебные) остаются Республика Сербия и Республика Сербская. С Сербией тактических шагов осуществляется много: соглашение о стратегическом партнёрстве, соглашение о свободной торговле, договорённость о согласованной позиции по Косово, центр МЧС в г. Ниш, контрольный пакет акций в энергетическом предприятии «Нефтяная индустрия Сербии» (НИС), несколько действующих в республике российских банков, предоставленные на разные нужды государственные кредиты, переговоры о зоне свободной торговли между Сербией и Евразийским экономическим союзом (ЕАЭС), межпарламентское сотрудничество. Формально направлений работы больше, чем с любой страной в Центральной и Юго-Восточной Европе.

**Партнёрство в регионе
не может выстраиваться
лишь на солидном
историческом прошлом**

Но и на противоположной части весов аргументов тоже немало. Объёмы торгового сотрудничества Сербии с ЕС и Россией несопоставимы. На долю России приходится 6,7%, на ЕС – более 60%. С Россией Сербия проводит около трёх совместных военных учений в год, с НАТО – в 10 раз больше. В Косово расположена самая большая американская военная база в Европе. Что важнее, в 2016 г. Сербия подписала соглашение с Организацией НАТО по обеспечению и закупкам (NATO Support and Procurement Organisation, NSPO), по которому обязана обеспечить беспрепятственный проход войск Альянса по своей территории в случае необходимости. Российский же центр МЧС в г. Ниш несколько лет не может получить дипломатический статус. Сигналов, что это может произойти в обозримой перспективе, тоже нет. Приостановка проекта «Южный поток» не нанесла прямого политического ущерба российско-сербским отношениям (в отличие от ситуации с Болгарией). Однако зависимое положение от болгарского и иного транзита вынудило сербские элиты активизировать политику многовекторности и рассмотреть альтернативные варианты поставки энергии в страну¹⁷.

---

¹⁷ Пивоваренко А. Сербия становится Европой // Российский совет по международным делам. 2015. 2 июня. URL: <http://russiancouncil.ru/analytcs-and-comments/analytcs/serbiya-stanovitsya-evropoy/>

Позиции России в инфраструктурном обеспечении Сербии кажутся сильными благодаря компании РЖД, которая получила кредит на строительство в Сербии участка железной дороги. Однако Россия не единственная, кто участвует в дорожном строительстве. Главный транзитный проект, строительство железнодорожной магистрали Белград – Будапешт, осуществляет Китай. Китайские дорожно-строительные корпорации активно действуют в Сербии (Коридор XI, осью которого является трасса Белград – Бар) и Македонии, где одновременно сталкиваются с конкуренцией со стороны американских и турецких компаний Bechtel и Enka, реализовавших большой проект в Косово. В общей картине инфраструктурных транспортных проектов доля и место России не является такой высокой. Более того, если исходить из понимания, что основные векторы транспортных маршрутов заключаются в соединении магистралей, проходящих через Сербию, с портами Адриатики и Эгейского моря (черногорский Бар, албанские Дуррес и Влёра, греческие Пирей и Салоники и в некоторой степени хорватские Задар и Риека), где уже сильно влияние китайских, а также иных инвестиций, то очевидно, что в возникающей экономической структуре положение России является сугубо миноритарным.

Что касается энергетического транзита, который принято считать российским козырем, то и здесь не всё так однозначно. Инвестиции российского «Газпрома» присутствуют в энергетических компаниях «Сербиягаз» и НИС. С одной стороны, есть проекты и позитивные экономические сдвиги (увеличение экспорта, развитие подземного хранилища газа «Банатский двор»)¹⁸. С другой – российские инвестиции сталкиваются с негативной информационной кампанией: «Газпром» обвиняют в эксплуатации и расхищении сербских ресурсов. Хотя это не соотносится с фактами, значение пропаганды и её последствий в плане изменения политической конъюнктуры нельзя недооценивать.

С Республикой Сербской ситуация сложнее, чем с центральной Сербией. С одной стороны, Россия является одним из гарантов Дейтонских соглашений 1995 г., что не позволяет Западу игнорировать любые действия Москвы по Боснии и Герцеговине. С другой – действий за пределами границ Республики Сербской фактически не совершается. Внутри

---

¹⁸ Газпром и «Сербиягаз» обсудили вопросы сотрудничества // Газпром Экспорт. 2017. 27 июня. URL: <http://www.gazpromexport.ru/presscenter/information/2009/>; Gazprom to Increase by 33% Natgas Exports to Serbia in 2018 // SeeNews. 2017. December 20. URL: <https://seenews.com/news/gazprom-to-increase-by-33-natgas-exports-to-serbia-in-2018-595246>

сербской автономии политическая ситуация непроста: позиции президента Милорада Додика, безоговорочную ставку на которого сделала Москва, не очень прочны. В республике сильны и американское лобби, и оппозиционные Додику настроения, которые имеют тенденцию к увеличению по мере приближения к выборам октября 2018 г. Присутствие России определённо раздражает и беспокоит Запад, который ищет возможности повернуть ситуацию в Боснии в свою пользу.

Несмотря на все ограничения и ошибки, запрос на Россию в регионе по-прежнему существует. Как ни странно, он во многом стимулируется антироссийской информационной кампанией, запущенной Западом в 2014 г. Старания Запада представить Россию монстром, который дискредитирует интеграционные усилия Запада — вмешивается в ход выборов в Черногории, планирует убийство черногорского лидера, сбивает с истинного пути Сербию и Македонию, «запускает руку» в хорватский бизнес — парадоксальным образом утвердили Россию в качестве «мировой силы» в глазах балканской общественности. Православные и традиционно прорусские силы в регионе увидели в этом возрождение «имперской» России. Остальные же — возвращение России на мировую арену в качестве глобальной альтернативы, что интересно для балканских политических кругов, исторически получающих дивиденды от игры на великодержавных противоречиях. Этим можно и нужно пользоваться.

Самые лучшие возможности у России на Балканах были в начале–середине 2000-х гг., когда она осуществляла свою политику методом инвестиций и экономического влияния. Сейчас можно констатировать, что они либо были реализованы лишь отчасти, либо упущены. Но возможности по-прежнему сохраняются, хотя и находятся в иной плоскости. Нынешние политические элиты региона нестабильны. Доверие к ним со стороны народа подточено. Доказательством этому являются выборы 2014–2017 гг., где успеха добились силы, ранее считавшиеся несистемными или маргинальными. Регион стоит перед перспективой большой политической трансформации, которая может как принести России дивиденды, так и ухудшить позиции — в зависимости от выбранной российским руководством линии поведения.

В возникающей экономической структуре региона положение России является сугубо миноритарным

Старания Запада представить Россию монстром парадоксальным образом утвердили её в качестве «мировой силы» в глазах балканской общественности

Выводы и рекомендации

Историческую динамику Балканских стран отличает то, что редкие и краткие периоды, когда регион оставался предоставленным самому себе, неизбежно сменяются активизацией влияния внешних сил, использующих внутренние проблемы региона для продвижения своих интересов. Однако с момента распада Римской империи на Западную и Восточную ни одной из крупных империй не удавалось достичь полного контроля над ситуацией в регионе на длительный период. Монополия неизбежно подтачивалась либо другими крупными силами, либо региональными национально-освободительными движениями. Это следует помнить и сегодня, когда предпринимается очередная амбициозная попытка провести унификацию региона согласно неким абстрактным стандартам. Из этого следует несколько принципиальных выводов.

Во-первых. В периоды стабильности на Балканах монистская ориентация может являться работающей моделью. Но в условиях системного кризиса ориентация на единого гегемона приводит к взаимоисключающему целеполаганию, причём для всех участников. Отсюда следуют два заключения. Первое, гипотетический отказ Сербии от своей «многовекторности» не сулит больших выгод, поскольку США, преследуя более широкие цели, одновременно не могут отвечать интересам сербов, албанцев, хорватов и других народов. Второе, неудовлетворённость собственным положением неизбежно приводит балканские страны к необходимости поиска других союзников. В условиях кризиса такой союзник не обязательно должен иметь особую цивилизационную повестку (на что, например, делает ставку Европейский союз). Военно-политических гарантий вполне достаточно.

Во-вторых. Вовлечение «внешних» (по отношению к Западу) игроков исторически неизбежно. Невозможно исключить из региона Турцию. На смену вытесняемой Россией придёт Китай или какой-либо иной внешний игрок (включая негосударственные акторы). Та или иная форма внешнего влияния определённно будет сохраняться. В условиях взаимного восприятия в качестве соперников это будет вести к конфликту интересов, заочному столкновению и возникновению дополнительного очага напряжённости — вдобавок к имеющимся. Очевидно, что в ряду гипотетических, «естественных» союзников для балканских стран могут быть только близлежащие государства

(Германия, Турция и Россия). Единственный разумный выход – перейти от формата внешней конкуренции за регион к многостороннему согласованию позиций или «концерту держав».

В-третьих. Более 300 лет Россия имеет в регионе то или иное присутствие. Вообразить сценарий, связанный с уходом России с Балкан, практически невозможно. Но сегодня именно *России грозит вытеснение из региона*, поскольку другие международные игроки: а) имеют больше возможностей (экономических, военно-политических, культурных); б) выстраивают балканское направление своей внешней политики на порядок более последовательно и системно; в) целенаправленно действуют против России или лишь относительно заинтересованы в её несомненном присутствии. Поэтому в рамках существующей внешней политики и с учётом сомнительных достижений последних лет роль России на Балканах может снизиться до минимума.

В-четвёртых. Неправильно утверждать, что из-за экономической отсталости, «проблемности», «незначительности», географической отдалённости местных стран Балканы не нужны России. Это ошибочно хотя бы потому, что именно здесь российская внешняя политика может быть лучшим образом понята и услышана. Чтобы сохранить своё присутствие, России необходима критическая переоценка собственного курса на этом направлении и построение многомерной политики в отношении Балкан как комплексного региона на основе имеющихся традиционных ресурсов и значимых международных партнёрств.

Политическая сфера

Прежде всего, России необходимо заложить отход от исключительной ставки на «привилегированное двустороннее партнёрство», проводившееся в 2000-е гг. Оно долгое время имело свои плюсы. Двустороннее партнёрство избавляло Россию от необходимости давать ответы на сложные проблемы регионального устройства и создавало иллюзию того, что возможна реализация «негласных» российских задач – таких как остановка расширения НАТО и конвергенция России и ЕС. Это время прошло. Как показала история с Черногорией, стратегия двустороннего сотрудничества не даёт гарантии от недружественных жестов. С 2014 г. происходит вытеснение России с Балкан, что означает крах надежд Москвы на коллективную систему

европейской безопасности. «Окно возможностей» для Москвы стремительно сужается. Сербия и Македония, вслед за Черногорией, становятся ближе к НАТО.

По мере вхождения в евроатлантическую сферу «неопределившихся» стран двустороннее привилегированное партнёрство с Россией будет терять своё наполнение. Оно не сможет удовлетворить запросы России и будет являться источником раздражения для Запада. Поэтому альтернативной должно стать многостороннее и *многовекторное партнёрство* со всеми странами региона (при сохранении достижений партнёрства двустороннего). России это позволило бы создать предпосылки для сохранения коммуникации на случай дальнейшей деградации дипломатических отношений.

При выработке новой стратегии необходимо учитывать, что после Brexit в новом, независимом от ЕС качестве на Балканы *возвращается Великобритания*. При этом в отношении вопросов безопасности Великобритания остаётся проводником политики НАТО и интересов США. Располагая военной базой на Кипре, британцы, безусловно, оказывают влияние и на Грецию, и на Турцию. В условиях глубочайшего кризиса российско-американских и российско-британских отношений Москва должна быть готова к тому, что на Балканах американо-британский тандем будет пытаться вытеснить Россию не только напрямую, но и через создание напряжённости в российско-турецких отношениях. В этой связи разумно активизировать вопрос о присоединении Турции к таким группам, как БРИКС и Шанхайская организация сотрудничества (ШОС), что будет иметь непосредственный позитивный эффект в Балканском регионе. Появление здесь такой масштабной и перспективной площадки, как БРИКС (через согласованное присутствие Китая, России и Турции), значительно меняет положение на чаше весов ЕС – Балканы – остальные международные акторы.

Внешнеэкономический блок

В мировой экономике и торговле последнего десятилетия наблюдаются две критически важных тенденции: переход к «цифровой экономике» развитых и отдельных быстро развивающихся стран при одновременном снижении объёмов межрегиональной торговли в пользу внутрирегиональной. Таким образом, с одной стороны, налицо реструктуризация экономики и трудовых ресурсов в обозримом будущем, с другой – переход от мировой

экономики к экономике регионов. Из этого следует, что взгляд России на Балканы как большой маршрут поставки газа в Европу не должен быть главным и единственным. Хотя транзитное значение Балкан сохраняется (и увеличивается), для России это несёт мало плюсов. Неудача «Южного потока», неопределённый статус «Турецкого потока», характер договорённостей по «Северному потоку – 2», наконец, проработка альтернативных энергетических проектов в 2017 г. – показывают, что США и ЕС будут максимально противодействовать России на данном направлении.

Необходим поиск новых экономических инструментов. Глубокая локализация производств, преимущественно в сфере цифровых технологий, может обеспечить на Балканах новые рынки (софт, ресурсосберегающее оборудование, критическая инфраструктура). Открытие в регионе представительств российских IT-компаний дало бы возможность России позиционировать себя в новом, перспективном, ориентированном на будущее контексте. Необходимо привлекать партнёров России на Балканах и по Евразийскому союзу – Белоруссию и Казахстан.

Для Москвы удержание хорватского холдинга «Агрокор», на котором занято более 100 000 работников (по результатам сделки российские банки «Сбербанк» и ВТБ получили 47% акций), потенциально даёт инструменты геоэкономического присутствия и возможности участия в политико-экономических процессах в масштабах всего региона. Два других предприятия регионального значения – нефтяные компании INA (Хорватия) и MOL (Венгрия) – также сегодня находятся в кризисном состоянии. Решается их судьба. Интерес, который проявляет к этим компаниям США с момента заявления Игоря Сечина о возможности российского участия в сделке, явно свидетельствует о важности, придаваемой Вашингтоном этому вопросу. Вовлечение России в решение и по этим компаниям вывело бы Москву на принципиально иной уровень в регионе.

Чрезвычайно важно обеспечить вовлечённость балканских трудовых ресурсов в функционирование совместных предприятий и российских представителей. Это даст Москве преимущества перед всеми другими международными игроками, включая Китай и ОАЭ, которые задействуют во всех проектах преимущественно собственную рабочую силу.

Распространение зоны свободной торговли ЕАЭС на государства Балканского региона также могло бы стать инструментом выстраивания

общеевропейской стратегии России. Сербия находится в стадии завершения технических переговоров по ЗСТ с ЕАЭС. Её путём могли бы пойти Македония, Босния и Герцеговина, Албания, а также традиционно готовая к экономическому сотрудничеству с Россией Словения.

Гуманитарная сфера

Россия обладает безусловным потенциалом распространения *гуманитарного влияния*, которое востребовано на Балканах. Вместе с тем, в научной, гуманитарной и культурной сфере позиция России все эти годы была пассивной. Для восстановления влияния, в первую очередь, необходимо сделать ставку на возможность бесплатного или условно платного изучения русского языка в школах. С распадом СССР этот важный инструмент «мягкой силы» исчез из арсенала Москвы.

Активизировать сотрудничество российских научных и экспертных центров с представителями российского бизнеса и политического истеблишмента. Новая модель отношений, основанная на обмене знаниями и информацией, позволит улучшить *понимание процессов в регионе*, имеющихся возможностей, повысит точность и эффективность практических действий.

Также имеет смысл проработать вопрос предоставления консалтинговых услуг в регионе партнёрам России из числа внешних игроков (в частности для Китая и др.). Понимание славянского менталитета и балканских реалий может помочь им обойти те проблемы, с которыми столкнулся российский бизнес в своё время.

***

Эти нетрадиционные для России меры даже при отсутствии иных инструментов позволят Москве сохранить вековые позиции и воспользоваться открывающимися возможностями, если не в ближайшем будущем, то на очередном витке истории, которая именно на Балканах ярче всего демонстрирует свою цикличность.

 ValdaiClubRu
 ValdaiClubRu
 t.me/valdaiclub
 ValdaiClub
 valdaiclubcom
valdai@valdaiclub.com

СОВЕТ ПО ВНЕШНЕЙ И ОБОРОННОЙ ПОЛИТИКЕ

Российский совет
по международным
делам

МГИМО
УНИВЕРСИТЕТ

НАЦИОНАЛЬНЫЙ ИССЛЕДОВАТЕЛЬСКИЙ
УНИВЕРСИТЕТ